



«О ДОСТУПЕ В ШКОЛУ: КАЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

(по материалам «круглого стола» РОСРО,
состоявшегося в Москве 9 апреля 2006 г.)

Воспитание и обучение детей с ограниченными возможностями здоровья всегда были болезненной и нелегкой для обсуждения темой.

В советское время наша система образования находила возможность дать детям, не способным посещать общеобразовательную школу, неплохое образование. Были у нас и свои традиции, и специальные методические разработки, и преданные делу педагоги, логопеды, врачи, воспитатели, умеющие находить общий язык со своими учениками.

Новое время принесло новые веяния. Сейчас все больше говорят об инклюзивном образовании детей с ограниченными возможностями здоровья. Это важно не только для самих детей, но и для их родителей и одноклассников. Такое обучение может стать одним из способов разрушения преград в нашем обществе.

Инклюзивное обучение требует новых программ, изменений в подготовке учителей, новых учебных пособий, дополнительного финансирования. Но нельзя сбрасывать со счетов и прежний удачный опыт обучения детей с ограниченными возможностями.

Об этих и других проблемах шла речь на заседании РОСРО, посвященном этому важнейшему вопросу. Ведь данная проблема выходит за рамки образовательной, и решать ее должно не только образовательное сообщество, но общество в целом.

**«У ОБЩЕСТВА ЕСТЬ НАСУЩНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ
И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РЕШИТЬ ПРОБЛЕМУ
ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ»**

**Из выступления ректора ГУ–ВШЭ, сопредседателя РОСРО
Я.И. КУЗЬМИНОВА**

Наше заседание посвящено проблеме, болезненной не только для российского образования, но и для системы образования в любой стране, проблеме обучения детей с ограниченными возможностями.



Это не просто техническая или экономическая проблема — это проблема в первую очередь нравственная. Сама система образования есть система воспитания гуманизма в человеке. Школа должна ставить потребность в сочувствии другому человеку на иной уровень. Любая школа — испытание для ребенка: укрепится ли его естественный гуманизм человека, воспитанного в семье, или ребенок ожесточится?

Российская школа всегда имела огромный гуманистический потенциал. Мы всегда уделяли воспитательным аспектам особое внимание. На этом фоне ситуация с обучением детей с ограниченными возможностями является крайне неприятным испытанием для нашей школы.

В России, по самым скромным подсчетам, около 5% детей с ограниченными возможностями. Они делятся на детей с ограниченными возможностями в движении и в познавательных способностях. Ни та, ни другая группа не имеет достаточного доступа в российскую школу, не находит участия со стороны одноклассников в той степени, в которой это существует в странах, где, может, меньше нашего говорят об образовательном гуманизме, но гораздо больше делают в этом отношении. Там есть и такие элементарные вещи, как пандусы для детей-колясочников, и система воспитания в нормальном классе детей с отклонениями в развитии, когда обычные дети, наряду с задачами своего обучения, начинают решать гуманитарные задачи помощи такому же человеку, но более слабому. Все это широко распространено во многих странах, но, к большому сожалению, очень редкое явление для наших школ.

Говоря о реформе, модернизации образования, нельзя забывать саму суть образования. Надо нацеливать новые нормы, которые мы обсуждаем и разрабатываем, ресурсные потоки, которые мы сейчас начинаем делить, на решение конечных проблем образования. Будет ли на новой основе возрождена воспитательная функция российской школы? Или мы будем финансировать приход людей на работу, на которую им не хочется приходить?

Мне кажется, что государственные структуры дистанцируются от проблем образования инвалидов в России. Показательно, что сегодня на нашем «круглом столе» почти не представлено Министерство образования и науки. Господин Фурсенко обещал определить, кто из руководителей министерства будет здесь присутствовать, но, видно, коллеги так и не определились, в чьи полномочия входит рассматриваемая нами проблема. У меня нет сомнений в их намерениях, но намерения должны подкрепляться и организационной структурой, и системой ответственности.

Что можно сказать о современном состоянии образования инвалидов в России? Закон Российской Федерации об образовании закрепил в качестве принципа государственной политики адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки учащихся и воспитанников. В этих же целях закон установил государственные гарантии для граждан с отклонениями в развитии,



с ограниченными возможностями здоровья, закрепив в качестве основной гарантии обязанность государства создавать таким гражданам условия для получения ими образования, для коррекции нарушений в развитии и социальной адаптации на основе специальных педагогических подходов. В соответствии с законодательством дети с ограниченными возможностями здоровья могут получать образование в общих классах и группах системы общего образования, а также по индивидуальным программам специальных коррекционных образовательных учреждений.

В России уже многие годы существует система специальных образовательных учреждений для детей с нарушением слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, тяжелыми нарушениями речи, эмоционально-волевой сферы поведения и умственной отсталостью. В соответствии с законом об образовании детям-инвалидам первой и второй групп предоставляются льготы при приеме в техникумы и вузы. Я уже отмечал, что около 5% от общего числа обучающихся в образовательных учреждениях — это дети с ограниченными возможностями. И при этом специальные условия для получения образования, т.е. условия, совершенно необходимые для получения образования вообще, предоставляются только трети этих детей. Надо сказать, что дети с ограниченными возможностями здоровья в подавляющем большинстве не имеют физических нарушений, но имеют отклонения в развитии, связанные с познавательной сферой. А система коррекционной педагогики организована специализированным образом — как учреждение-интернат. Обучение в интернате имеет обратную сторону: ребенок вырывается из семьи — своей первоначальной эмоциональной опоры. Тем самым мы ставим его в очень тяжелые условия развития и адаптации и в результате не добиваемся положительных результатов. Следовало бы очень серьезно рассмотреть возможность перехода на технологии, которые позволяли бы использовать коррекционные программы обучения в школах на местах. Я думаю, это одна из центральных проблем в образовании детей с ограниченными возможностями.

Следующая проблема. Дети, находящиеся в интернатах системы социальной защиты населения, в большинстве случаев лишены каких-либо образовательных услуг. Около 30 тысяч детей-инвалидов с нарушением умственного развития — треть детей этой категории в целом — фактически изолированы от общества в детских домах-интернатах системы социальной защиты, где они лишены права получения образования и обречены на личностную и социальную депривацию. Особую тревогу вызывает положение тех детей в указанных интернатах, которые считаются необучаемыми и лишены даже воспитания, а не только обучения из-за отсутствия соответствующих ставок воспитателей для работы с ними. К этой категории, по данным Росстата, относятся 36,7% детей — больше 10 тыс. человек.

Нам необходимо посмотреть, как организовано воспитание и обучение в таких интернатах за рубежом. Это тот случай, когда нам не просто полезно, но необходимо учиться, и очень быстро.



Сейчас у нашего общества есть материальные возможности, чтобы решить проблему обучения детей-инвалидов. Есть и потребность и в системе образования, в обществе в целом для того, чтобы совершать реальные гуманистические поступки в широком смысле, перейти от разговоров о гуманизме, в какой бы форме они ни проводились — военно-патриотического воспитания, религиозного воспитания и т.д., — к гуманистическим действиям. Помощь обучающемуся рядом инвалиду есть конкретное гуманистическое действие, которое ребенок должен взять на себя в школе.

**«ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДОЛЖНЫ УЧАСТВОВАТЬ
В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ КАЖДОГО РЕБЕНКА,
ИМЕЮЩЕГО ИНВАЛИДНОСТЬ»**

Из выступления руководителя Совета при Президенте
Российской Федерации по гражданскому обществу
и правам человека Э.А. ПАМФИЛОВОЙ

Ярослав Иванович Кузьминов обратил внимание на то, что в Министерстве образования так и не решили, кому же быть на сегодняшнем обсуждении. Это системный дефект нынешней структуры исполнительной власти: в правительстве нет полноценной структуры, куда можно было бы обратиться по общим проблемам, связанным с детьми. Даже в самые тяжелые годы, когда в первом правительстве реформ я была министром, несмотря на все сложности, мы пытались создавать ведомство, которое занималось бы комплексом социальных проблем. В самое трудное время мы создали систему реабилитации для инвалидов. Но, к сожалению, за последние шесть лет ситуация и с реабилитацией инвалидов, и с образованием детей-инвалидов стала ухудшаться. Ни на федеральном, ни на региональном уровне нет структур, которые руководствовались бы единой логикой действия, направленной на максимально возможную реабилитацию людей. Это беда.

Мы пытаемся мобилизовать российскую общественность, пытаемся побудить государственные институты сформировать системный подход к проблемам детей. Национальные проекты, о которых столько говорят, как ни странно, лишь косвенным образом касаются детей. В то время как проблемы детей должны пронизывать все национальные проекты, реформы. Сейчас наши основные усилия направлены на изменение этой ситуации.

Я давно поняла и с каждым годом все больше убеждаюсь, что надо быть очень осторожными в терминах в отношении детей. Так, термин «дети с ограниченными возможностями» в корне неверен. Сейчас даже вместо определения «люди-инвалиды» говорят «с инвалидностью». А мы, получается, заранее говорим «ты ограничен» маленькому ребенку, у которого что-то не так, как у всех. А почему? Он безгранично умен, безгранично талантлив. Мы должны составить для него формулу развития, чтобы раскрыть его потенциальные



возможности, которые заложены в нем вопреки всем физическим дефектам. Мне кажется, это очень важная тема, а не просто вопрос о терминах.

Что касается конкретного вопроса обучения таких детей, то я, как координатор по G8, как председатель Совета при Президенте, готова приложить все усилия, чтобы помочь внедрить в жизнь ваши высокопрофессиональные рекомендации.

«ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ВСЕХ» — ОПЫТ ЮНЕСКО

Из выступления генерального директора

Московского бюро ЮНЕСКО Д. БАДАРЧА

В 2001 г. в Дакаре более 100 стран мира приняли масштабные образовательные программы «Образование для всех». В последние годы многое было сделано для изучения состояния образования в различных уголках мира. Сейчас более, чем когда-либо, правительства осознают центральную роль, которую образование играет в развитии стран, и охотно инвестируют в этот сектор.

Несмотря на все усилия международного сообщества, в мире по-прежнему остаются неграмотными около 771 млн взрослых людей, более 100 млн детей не имеют возможности посещать школы. К 2015 г. в 67 странах может не остаться системы всеобщего начального образования.

Я очень рад, что Россия предлагает не просто образование, а качественное образование. Ваша страна принимает участие в программах «Образование для всех». 13 марта 2006 г. было объявлено, что Россия выделяет 7 млн долларов на участие в этой программе.

Несколько слов об инклюзивном образовании. Одна из целей программы «Образование для всех» состоит в том, чтобы к 2015 г. каждый ребенок получил начальное образование. В выполнении этой задачи инклюзивное образование играет ключевую роль. ЮНЕСКО видит инклюзивное образование как позитивный шаг навстречу разнообразию и уникальности детей. Мы должны рассматривать особенности детей не как проблему, а как возможность развития процесса обучения. Поэтому инклюзивное образование — не только технические и организационные изменения, но и изменения философии образования. Поэтому очень важно, как воспринимают эти изменения учителя, родители, ученики, дети и местные федеральные власти. В настоящее время в России и других странах СНГ существует много положительных инициатив по инклюзивному образованию. Для их успешной реализации необходимо четкое понимание цели: зачем нужна такая форма обучения. Цели, мотивация, поддержка и ресурсы должны быть реалистичными.

Участниками инклюзивного обучения являются не только учителя, но и родители, педагогические институты, бизнес-сообщества. Показателен опыт некоторых стран. Например, в Канаде 20 лет назад начало активно развиваться инклюзивное образование. Школы в Анкаре имеют образовательные программы, которые устанавливают



связи между ними, родителями и сообществом. А в другой турецкой провинции с 1985 г. существует закон, обязывающий каждую школу включиться в инклюзивное обучение.

По данным исследований Всемирного банка, в Европе наблюдаются следующие тенденции: 1) трансформация специальных школ в ресурсные центры. Такие центры организуют курсы для учителей, занимаются подготовкой учебных материалов, поддержкой родителей тех детей, которые не могут ходить в обычные школы, и т.д.; 2) разработка интеллектуальных образовательных программ для оценки прогресса отдельного ученика. Существуют так называемые открытые школы, где ученики сами определяют свою траекторию обучения в зависимости от собственного ритма.

Такие разные формы опыта работы различного рода инклюзивного образования многократно описаны. Главное, что в России существует сейчас много хороших инициатив, которые нуждаются в поддержке со стороны руководства.

Что касается финансовой поддержки инклюзивного обучения, это важный вопрос во многих странах. Исследования, проведенные в 1999 г., показывают, что инклюзивное образование — экономически целесообразная форма обучения. Но существуют различные модели. Первая — это нормативное финансирование, расчеты на одного инклюзивного учащегося. Преимуществом этой модели является то, что она охватывает каждого ученика. Но недостатком является зависимость от степени инвалидности — данная модель не может отразить реальные затраты.

Вторая модель — модель ресурсной поддержки. По этой модели считаются не индивидуальные расходы на учащегося, а стоимость образовательных услуг, которые они получают. Например, в Германии для учителей инклюзивного класса учитывается время работы с учащимися. В Австрии определено, что в классе должно быть не более 20 учащихся, из них 4 — с ограниченными возможностями. Тенденция в мире такова, что вторая модель считается более приемлемой. Все больше стран переходит на эту модель финансирования. Я не буду говорить о третьей модели, которая основана на результатах, ни одна страна сегодня ее не использует.

Для того чтобы уменьшить затраты на инклюзивное обучение, используются также различные методы и стратегии. Многие страны готовят в качестве учителей людей с ограниченными возможностями, что очень важно. Некоторые страны включают в учебную программу педагогических вузов вопросы инклюзивного образования как обязательный компонент.

Создавая устойчивое будущее страны, мы не должны забывать, что основополагающим элементом изменений является образование, обучение. Я хочу привести слова американского архитектора Фрэнка Ллойда Райта. Он сказал, что «достойная жизнь требует достойной архитектуры для достойного использования достойным человеком».



НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ
Из выступления заместителя председателя комитета
по образованию и науке Государственной Думы О.Н. СМОЛИНА

Я благодарю Российский совет по развитию образования за инициирование обсуждения сегодняшнего вопроса. Мы ценим каждого потенциального лоббиста образования людей с ограниченными возможностями здоровья и надеемся, что в лице РОСПО мы такого союзника получим, равно как и в лице Совета при Президенте, который возглавляет Э.А. Памфилова.

Позвольте остановиться на нескольких основных проблемах. Позиция первая связана с терминологией, Элла Памфилова абсолютно права. Парадокс заключается в следующем: на Западе не принимают термин «инвалид», предпочитая формулу «люди с ограниченными возможностями». В России инвалиды очень не любят формулу «люди с ограниченными возможностями». Им гораздо проще, когда их называют инвалидами. Мы, авторы законопроекта, уже третьего по счету, предлагаем термин «лица с ограниченными возможностями здоровья», который вполне политкорректен и никогда не вызывал недовольства со стороны общественных организаций инвалидов. Да, мы лица с ограниченными возможностями здоровья, но это не значит, что у нас другие возможности ограничены. К тому же понятия «ребенок-инвалид» и «лицо с ограниченными возможностями здоровья» в системе образования не совпадают. Понятно, что лиц с ограниченными возможностями здоровья в системе образования больше, чем собственно детей-инвалидов.

Далее, важен экономический аспект. Я совершенно уверен в том, что наш закон имеет не только гуманитарное, но и экономическое значение. Ни для кого не секрет то, что, лучшие вложения, по признанию большинства экономистов мира, это инвестиции в человеческий потенциал. Согласно американским исследованиям вклад людей с высоким уровнем образования в создание валового внутреннего продукта как минимум вдвое выше их доли в составе населения. Если мы дадим людям с ограниченными возможностями здоровья полноценное образование, мы сможем переходить от распределительной концепции и социальной помощи к реабилитационной концепции. Человек с ограниченными возможностями здоровья, который получил полноценное образование, имеет гораздо более высокий шанс получить высококвалифицированную работу, занять достойное место в жизни. То есть не просить милости у государства, а, напротив, чувствовать себя гражданином, который создает для государства основы его богатства. Кстати, по статистике до 10% нобелевских лауреатов могли бы быть отнесены по нашей терминологии к лицам с ограниченными возможностями здоровья. Это лишний раз доказывает, что ограниченные возможности здоровья отнюдь не означают ограниченных возможностей духа.



Позволю себе напомнить историю законодательного регулирования образования лиц с ограниченными возможностями здоровья. Кое-что нам удалось ввести в действующий Закон об образовании. Речь идет не только о возможности специальных образовательных стандартов, не только об обязанности государства оказывать дополнительную социальную помощь таким людям в период обучения и не только о дополнительных возможностях получения второго бюджетного профессионального образования (я имею в виду п. 7 ст. 50). И не только о льготах при приеме (ст. 16 Закона об образовании, ст. 11 Закона о высшем образовании), и не только о повышенных стипендиях или обязательном предоставлении социальных стипендий. Сделано и многое другое. И тем не менее этого, конечно, явно недостаточно. Поэтому с начала 90-х годов Министерство образования, Совет Федерации, Государственная Дума очень активно этой проблемой занимались.

Между прочим, первая редакция Закона об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья получила высочайшую оценку европейской Ассоциации образовательного права. Мы даже получили официальное заключение, что это мог бы быть модельный закон для европейских стран. С тех пор прошло много лет. Увы, ситуация та же: дважды закон отклонялся президентом Борисом Ельциным. Президент Владимир Путин по моему обращению дал прямое поручение своей администрации согласовать с нами текст закона — администрация провалила поручение Президента. Закон отклонен четвертой Государственной Думой. Сегодня рабочая группа практически завершила работу над новым законопроектом. Пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить представителей Министерства образования и науки. Присутствующий здесь А.И. Исаков, а также З.П. Лещинская оказали большую помощь в подготовке законопроекта. Хочется надеяться, что руководство министерства поддержит эту позицию своих сотрудников, а затем закон поддержит и правительство Российской Федерации. Но нас ждут серьезные проблемы при его принятии. Поэтому еще раз повторяю: мы очень ценим каждого, кто готов нам в этом важном деле помочь.

В чем смысл концепции законопроекта, чем он отличается от той концепции, которую мы пытались провести раньше? Первое: мы вынуждены были согласиться с позицией администрации Президента, которая твердо стоит на точке зрения, что отдельного закона об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья быть не может, хотя во всем мире существует отдельный законодательный акт, часто даже и не один. Мы вынуждены были согласиться, что это будет не отдельный закон, а изменения в действующий закон об образовании в части, касающейся образования лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Мы предусматриваем в этом законе обязанность государства оказывать раннюю коррекционную помощь. Еще раз подчеркну: это не только гуманистический акт. Ранняя коррекционная помощь позволит исключить многих детей из категории «Лицо с ограниченными



возможностями здоровья». То есть реабилитация на ранней стадии позволяет многим детям скорректировать проблемы физического и психического развития и оказаться в категории детей с обычными возможностями здоровья.

Позиция следующая. Мы предполагаем, что этот закон должен сохранить действовавшие до принятия федерального закона 122 социальные гарантии для тех, кто учится, в частности, в специальных образовательных учреждениях. Мы считаем, что каждому ребенку с ограниченными возможностями здоровья должно быть обеспечено право на получение полноценного образования. Если родители полагают, что такое право должно быть реализовано в специальном образовательном учреждении, то соответствующий субъект Федерации должен либо создать такое образовательное учреждение на своей территории, либо оплатить образование ребенка с такими нарушениями в специальном образовательном учреждении на территории какого-либо другого субъекта Российской Федерации. Это особенно важно для детей с нарушениями зрения и слуха. У нас довольно много обращений, связанных с тем, что такие дети не могут получить образование в специальной школе на своей территории.

И, наконец, очень важная позиция, о которой здесь уже все говорили, — развитие интегрированного обучения. Поскольку здесь уже шла речь о моделях финансирования, я позволю себе сказать два слова о моделях образования. Существует как минимум три основных модели по отношению к образованию в специальных учебных заведениях или учреждениях интегрированного или инклюзивного обучения.

Первая — наша отечественная модель. Она существовала в советский период и была основана на том, что абсолютное большинство детей с ограниченными возможностями здоровья должно обучаться в специальных образовательных учреждениях. У этой модели были не только минусы, но и плюсы. Как выпускник специальной школы для незрячих детей в провинции, в Омске, точно знаю, что качество образования, которое мы получали тогда, было достаточно высоким. У нас были такие замечательные учителя, что из 9 выпускников класса, в котором я имел честь учиться, 4 незрячих выпускника закончили высшие учебные заведения и еще трое — средние профессиональные учебные заведения. По тем временам это был высокий результат для любой школы, тем более специальной. Но правы и те, кто говорит, что выпускники подобных интернатных учреждений обычно испытывают больше проблем с интеграцией в общество, по крайней мере в момент перехода из специальной школы в обычную жизнь, нежели те, кто с детства учился с детьми, не имеющими ограничений по состоянию здоровья.

Вторая модель, условно говоря, американская, исходит из того, что подавляющее большинство детей с ограниченными возможностями здоровья должны учиться в условиях интегрированного обучения вместе с обычными детьми.



И третья модель — смешанная, которая используется во многих странах Европы. В нашем законопроекте интегрированное обучение имело место с самого начала.

Надо спросить родителей: в каком учебном заведении они хотят обучать ребенка с ограниченными возможностями здоровья? Мы думаем, что число родителей, желающих обучать таких детей по месту жительства, окажется значительно больше, чем сейчас. И естественным путем (я подчеркиваю — не искусственным, а естественным путем) будет происходить сокращение учебных заведений для лиц, в частности, имеющих проблемы с психическим здоровьем. Что касается детей с нарушением зрения и слуха, время покажет, по какой линии мы будем развиваться.

Возвращаясь к экономическим проблемам, хочу подчеркнуть, что, по нашим оценкам, закон, конечно, потребует определенных государственных затрат, но это не затраты, а инвестиции. Это во-первых. А во-вторых, как ни странно, закон может привести даже к экономии государственных затрат, поскольку, по нашим оценкам и расчетам, расходы на создание специальных образовательных условий на ребенка в обычной школе будут меньше, чем расходы на содержание того же ребенка в интернатном учебном заведении.

Итак, законопроект практически готов. Мы сейчас нуждаемся в поддержке в части подготовки его финансово-экономического обоснования, поскольку это задача достаточно серьезная, а далее нам нужна поддержка при прохождении этого закона, и мы рассчитываем в этом смысле на всех присутствующих.

**«НУЖНА КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ»**
Из выступления депутата Московской городской Думы
Е.А. БУНИМОВИЧА

Услышав от О. Смолина, что это будет не специальный закон, а поправки в Закон об образовании, я сильно огорчился. Я понимаю, это вынужденный ход, но в нашем Законе об образовании уже нет статьи, в которую не были бы внесены кардинальные изменения. Поэтому совершенно непонятно, как с ним работать, учитывая еще и то, что мы принимаем не закон в новой редакции, а поправки. Поэтому даже технически работа с ним невозможна. Но тем не менее в Москве также началась работа по подготовке закона о специальном образовании, поэтому не случайно, что именно в это время была предложена такая тема для Российского общественного совета развития образования.

У нас нет единого представления об обучении детей с ограниченными возможностями здоровья. Я не уверен, что модель должна быть единой, но стратегия, концепция у нас быть должна. Не только закон, но концепция. Это вопрос общества, а не нескольких законодателей или чиновников. Они не должны на себя брать ответственность в данном случае. Это вопрос обществу: какую модель в данном



случае мы выбираем как основную, при условии, что каждая семья сама будет решать, как она хочет обучать такого ребенка.

Поэтому Общественной палате я предложил обсуждать эту идею в более широком смысле: «я и другие», «я и другой». Это одна из самых болезненных проблем сегодняшнего образования и развития, и нельзя отделять образование детей с ограниченными возможностями здоровья от других подобных проблем. Говоря кратко, мы не решим проблемы с обучением детей-инвалидов, пока фашисты будут маршировать по улицам и убивать детей других национальностей. Это единая проблема — инклюзивное образование в широком смысле касается не только детей-инвалидов, но и детей разных религий, рас.

Следующий момент — вопрос системы. Есть очень хороший позитивный опыт и специальных школ, и интегративных, а также дистантного образования — уникальный московский опыт для детей-инвалидов. Но этот опыт и остается уникальным.

Проблема в том, что трудно помочь конкретному ребенку. В моем округе есть замечательный мальчик Женя, который учился в специальной школе. Он без обеих рук, поэтому нужно было сделать для него парту, чтобы он мог учиться дома. Я и мои помощники прошли все — везде проблемы. Во-первых, такой парты нет. Во-вторых, непонятно, как за нее платить. Все решилось, когда мы дошли непосредственно до тех рабочих, которые делают парты на мебельной фабрике. Они сделали бесплатно, потому что все равно никакой формы оплаты за это не существует. И придумали, как ее делать, они тоже сами. Потому что такой модели нет. И таким образом можно решать не инклюзивную, а эксклюзивную ситуацию. А нужна система не только законодательная, нужна система реализации.

Далее — финансовая проблема. Ее мы тоже начали решать. В Москве для обычного ребенка в нормальной школе норматив — 25 тыс. рублей, для детей с ограниченными возможностями здоровья — примерно в два раза больше. А если это санаторная школа, то и в три раза больше — почти 75 тыс. получается.

Эту систему надо менять, потому что финансовый механизм — самый серьезный. И если нам не удастся нормально профинансировать интегративные школы, они не смогут развиваться.

Далее. Проблема общественного мнения, не в общем смысле, а в очень конкретном, локальном. Я имею в виду мнение родителей, когда в классе учится такой ребенок или несколько таких детей.

Мы не можем быть уверены, что дети или взрослые будут всегда правильно относиться к тому, что в их классе будут другие дети. И учителя, которых этому не учили и которые сами не учились в таких школах, тоже к этому не готовы. Это огромная проблема, которая не связана только с финансированием или только с законом.

Сегодня люди, которые ратуют за инклюзивную школу, наиболее активны. И это очень хорошо. Я надеюсь, что это активизирует и тех, кто выступает за другие модели, и таким образом мы соблюдем баланс. Но это очень хорошо еще и потому, что данная ситуация



означает, что руки не опускаются, несмотря на все те проблемы, которые я перечислил.

И последнее. Я работаю в экспериментальной школе, у нас было несколько примеров опыта удачной работы, причем еще в советское время. Недавно мы с женой встретили одного моего выпускника, о котором жена спросила: «Он что, иностранец? У него какой-то странный акцент». А у него речь искусственная, он почти не мог говорить, почти не слышал, был немой и учился у меня в классе с углубленным математическим образованием. Сегодня это абсолютно адекватный, абсолютно уверенный в себе человек. По-моему, он уже и не помнит, что у него были серьезные ограничения в состоянии здоровья.

Вот такого рода выход и есть самый лучший. Чем адекватнее они себя чувствуют, тем лучше.

Комментарии

Хочу отреагировать как ректор. Да, каждый раз мы решаем проблемы реальных инвалидов, нуждающихся в нашей помощи, индивидуально. И мне кажется, что достаточно опасно рассматривать сегодня этот вопрос в рамках некоего единого подхода, единой нормы. Норма неизбежно становится формальной. Мы регулярно принимаем в Высшую школу экономики 7–10 человек, которые учатся затем на дому. К ним ездят товарищи из их группы, помогают.

Я в начале своего выступления говорил, что закон предоставляет инвалидам право внеконкурсного зачисления. В 2005 г. я вынужден был принять 43 человека по инвалидности. Из них смогли обучаться в Высшей школе экономики человек 7 или 10. При этом у большей половины этих людей «непонятная» инвалидность. На мой вопрос: «Чем ты болеешь, какая у тебя причина инвалидности?» — одна девушка ответила: «Это надо маму спросить, я еще не знаю».

Когда инвалидность покупается, мы вырабатываем стойкий инстинкт отрицания. Да, у нас есть формальная норма, мы зачислим, но потом все равно выгоним. Надо что-то делать с механизмом зачисления инвалидов. Им сейчас пользуются не те, кто на самом деле нуждается в помощи. Нужен нормативный механизм создания особых условий для обучения, дополнительных стимулов для учебных заведений. Это касается и школ, и высших учебных заведений. Тогда высшие учебные заведения будут заинтересованы не просто в том, чтобы принять, а потом отчислить, а в том, чтобы учить его безотносительно к этическим представлениям. Есть, как напомнил депутат Смолин, еще и экономические соображения.

Я.И. Кузьминов

Напомню, что в советский период льгот для инвалидов при поступлении не было. Мы поступали на общих основаниях. Но тогда, как известно, уровень неравенства прав в области образования был на порядок ниже, чем сейчас. Как отмечают многие международные организации, включая организации экономического сотрудничества



и развития, Россия превысила, к сожалению, соответствующие допустимые пределы по уровню неравенства возможностей в образовании. Это не проблема закона. Это проблема, связанная с общим уровнем социального неравенства.

С этим и было связано, что мы совместно с Министерством образования ввели льготы для детей-инвалидов первой и второй групп при поступлении в профессиональные учебные заведения. Проблема, о которой говорил Ярослав Иванович, действительно существует. Поэтому сейчас просто отменить льготу, я думаю, неправильно. Надо искать варианты, которые бы позволили нам сохранить льготу как средство ограничения неравенства возможностей в образовании.

О.Н. Смолин

«НУЖНА ИНТЕГРАТИВНАЯ ШКОЛА НА БАЗЕ ОБЫЧНОЙ»

Из выступления директора Центра психолого-педагогической реабилитации и коррекции М.Л. СЕМЕНОВИЧ

Я расскажу о реальном опыте, который существует в Центральном округе Москвы уже в течение 10 лет. Наш проект «Стрижи» — это реализация стремления к интегративному образованию. Началась работа 10 лет назад в детском саду № 1465, который называется «Наш дом». Это замечательное учреждение впервые объединило в своем педагогическом сообществе детей с интеллектуальными нарушениями и их обычных сверстников. Привычно было включать в свое сообщество детей с ограничениями в движении, слуха, речи. Дети с интеллектуальными нарушениями всегда воспитывались в отдельных коррекционных учреждениях. Этот проект развивался в течение 7 лет, неожиданно получились очень неплохие результаты, т.е. развивались хорошо не только дети с особенностями в развитии, но и их обычные сверстники. Возникло уникальное сообщество родителей, которое стало продвигать идею интегративного образования дальше.

Мы столкнулись с тем, что через некоторое время эти дети, закончив интегративное образование в детском саду, вынуждены уходить в специализированные коррекционные школы. Специальное образование у нас хорошее, но оно практически лишено именно социальной составляющей. Эти дети оказывались в закрытой системе и теряли социальные навыки, которые они нарабатывали в дошкольном возрасте.

Три года назад открылся центр «Тверской», руководителем которого я являюсь. Мы пытались как можно раньше начать интегрировать детей с различными особенностями в развитии. И сейчас существует интегративная адаптационная группа раннего возраста, а именно с 8 месяцев до 3 лет. Эти дети находятся в детском реабилитационном центре, где сразу получают навыки общения с обычными сверстниками. Таким образом, мы предотвращаем нарастающую изоляцию, которая неизбежно бывает тогда, когда эти дети разделены.



Нас поняли родители обычных детей, хотя были опасения, найдут ли они общий язык с теми, у кого дети с особенностями в развитии. Не секрет, что есть ложное представление, что ребенок с особенностями рождается в асоциальной семье, неблагополучной. Первым открытием было то, что это такие же родители, как и они, — молодые, красивые, успешные, но несчастье может случиться с каждым из нас.

Вы знаете, чем раньше начинаешь, тем лучше результаты. Это мы наблюдали на протяжении 10 лет. Если 8 лет назад в детский сад «Наш дом» приходили дети не говорящие, с очень серьезными нарушениями в развитии, то сейчас благодаря и общественным организациям, и государственным службам ранней помощи, и центрам, подобным нашим, очень изменилась общая картина. К школе они легко учатся читать, писать, прекрасно говорить и вообще очень мало отличаются от сверстников.

Через какое-то время стало ясно, что нужна интегративная школа. У нас есть «Ковчег», который у всех на слуху, но это эксклюзивная, с трудом повторяемая модель. Наша задача была в том, чтобы сделать модель интегративной школы, которая могла бы передаваться, быть транслируемой для других учреждений. Согласитесь, даже несколько эксклюзивных замечательных школ не спасут положение. А вот школа 142 (ее директор — Елена Витальевна Волкова, которая любезно нас принимает) — обычная московская школа, в которой ни учителя не были готовы к тому, чтобы принять этих детей, ни родители. Таким образом, мы начали с нуля. Да, нам сложно, у нас нет ответов на многие вопросы, но мы прошли уже большой путь. В этой школе сейчас имеется 4 интегративных класса, в которых по 16–17 детей, из них 2, а иногда 3 ребенка с особенностями развития, с генетическими нарушениями, дети с ранним детским аутизмом, с ДЦП, нарушением слуха.

Мы дожили до второго класса, и я думаю, что на следующий год мы снова примем детей в эту школу. Нужно сказать, что при сопровождении ресурсного центра, при таком внятном взаимодействии трех единиц — детского сада, школы и центра — становится возможным преодоление тех проблем, с которыми мы сталкиваемся повседневно.

Мы благодарны за помощь многим, у нас друзья среди общественных организаций, но многого невозможно было бы достичь без поддержки руководства Центрального округа. Нас не просто поддерживают, нам предлагают развиваться теми темпами, которые нас даже пугают. Сегодня здесь присутствуют руководители школ 1225, 518 и 555, которые на следующий год готовы принять в свои школы детей с особенностями развития.

Хочу обратить ваше внимание на то, что изменения происходят не только с детьми с особенностями развития, но и с обычными детьми. Здесь нет идеальной картинки, мы не можем сказать, что здесь дети так любят друг друга, что под локоток водят ребенка с особенностями развития. Нет. Это ситуации обычной жизни: они ссорятся,



мирятся, иногда даже дерутся, но это живая реальная жизнь и обычные дети, воспитанные в компании своих сверстников.

Мне очень понравились слова Е.А. Бунимовича о том, что инклюзивное образование влечет за собой мировоззренческие изменения, и я разделяю эту точку зрения. Мы наблюдаем такой эффект интегративного, инклюзивного образования, когда меняется позиция учителя — она становится более креативной, меняется мотивация к обучению у обычных школьников. И самое главное, что дети растут не в тепличных условиях, а в общем мире, они учатся толерантности, начинают принимать другого человека, понимать его особенности.

**«ВАЖНО, ЧТО В РОССИИ СТАЛИ ГОВОРИТЬ
О НЕОБХОДИМОСТИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»**

Из выступления члена региональной общественной
организации инвалидов «Перспектива»

Ю.П. СИМОНОВОЙ

Я работаю в региональной общественной организации инвалидов «Перспектива» уже 6 лет и последние 4 года непосредственно занимаюсь улучшением доступа образования для детей и молодых людей с инвалидностью. Моя работа направлена на то, чтобы продвигать идею инклюзивного образования и равного доступа обучения для всех детей. Инклюзивное образование — это подход, при котором все дети независимо от их физических, интеллектуальных и других особенностей включены в общую систему образования. И сейчас я не буду описывать ситуацию, связанную с обучением детей с инвалидностью. Я хочу поделиться своим личным опытом, своим примером, и из моего рассказа вы поймете, почему эта тема — обучение детей с инвалидностью — для меня очень важна и практически стала неотъемлемой частью моей жизни.

Как и все дети, я пошла в первый класс 1 сентября с огромным букетом цветов и ощущала себя уже самостоятельной и взрослой девочкой. Я училась хорошо, очень любила спорт, активно принимала участие во всех школьных мероприятиях. Но в 5-м классе я получила травму, в результате чего я стала передвигаться на инвалидной коляске, и моя школьная пора на этом оборвалась в один миг. Предписание обучаться на дому стало для меня страшным приговором. В результате этого я лишилась очень многого: общения со своими сверстниками, у меня пропало желание стремиться к чему-то новому. Круг общения на тот момент состоял только из родителей, сестры и некоторых родственников, которые усердно и очень сильно поддерживали меня, но понимали, что я уже не была прежним жизнерадостным, активным ребенком.

Некоторые могут подумать, что надомное обучение подразумевает индивидуальный подход к ученику и приносит хорошие результаты. На своем опыте я хочу сказать, что это не так, надомное обучение не дает качественного образования. Итак, с 5-го по 10-й класс я обучалась на дому, у меня не было друзей. Честно говоря, я не была



готова к общению с окружающими детьми, да и вообще к жизни в обществе. Но мне представилась возможность поехать по программе обмена в США и учиться там целый год в обычной общеобразовательной школе. И там я увидела разницу, как могут и должны развиваться дети с инвалидностью. Я училась в 11-м классе в обычной школе вместе со всеми и не чувствовала никаких ограничений, т.к. школа была абсолютно доступна для людей, которые передвигаются на колясках. В школе был лифт, доступные туалеты, проходы между партами и двери были широкими, т.е. было все для того, чтобы я себя чувствовала комфортно. В этой школе учились дети с нарушениями зрения, слуха, с синдромом Дауна, другими умственными нарушениями. И для всех детей независимо от формы и вида инвалидности были созданы специальные условия и специальные программы обучения, которые помогали им учиться наравне со всеми, комфортно себя чувствовать и в дальнейшем как-то реализовать себя в жизни.

Я, как и все остальные ребята, вставала утром, садилась на автобус с подъемником, ехала до школы, училась, участвовала во всех школьных мероприятиях, приезжала домой, делала домашние задания, вечером с друзьями мы ходили в кино, просто гуляли или шли друг к другу в гости. И после года, проведенного в Штатах, я очень изменилась и снова смогла ощутить все прелести обучения и общения.

У многих из вас есть дети, и вы понимаете, что школа дает не только определенные знания, она дает опыт, навыки, общение, уверенность в себе. Школа воспитывает в детях чувство ответственности, самостоятельности, дисциплины и в итоге формирует человека как личность. Почему же дети с инвалидностью должны быть лишены всего этого? Почему они должны довольствоваться лишь оставшимися возможностями учиться в специализированных школах-интернатах или на дому, а не учиться в школе рядом со своим домом, не общаться с друзьями и вообще не вести нормальный образ жизни?

Сейчас я довольно успешный человек, работаю в организации инвалидов «Перспектива», преподаю английский язык детям, учусь на 4-м курсе столичного института переводчиков, вожу машину, как и все девушки в моем возрасте, мечтаю выйти замуж, родить и воспитать ребенка. И я очень рада, что наконец в России начали громко говорить об инклюзивном образовании и прилагать совместные усилия, чтобы развивать это направление.

**«НЕОБХОДИМО ПОДДЕРЖИВАТЬ
РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ»**
Из выступления директора Института коррекционной
педагогики Российской академии образования Н.Н. МАЛОФЕЕВА

На Руси есть прекрасная поговорка: «Хоть горшком назови, только в печь не ставь». Сейчас она применима с точностью до наоборот: если тебя называли горшком, то ты обязательно окажешься в печи. Поэтому то, как мы именуем людей, с которыми работает специальное,



интегрированное, инклюзивное, обычное образование, оказывает колоссальное влияние на их последующую судьбу.

Сегодня изменилась стоимость содержания детей в дошкольных учреждениях Москвы. К счастью, сделано исключение для детей, которые могут по-прежнему получать эту помощь бесплатно. Кто может претендовать на стопроцентные льготы? Группы кратковременного пребывания «Особый ребенок», государственные образовательные учреждения для глухих и слабослышащих детей, слепых и слабовидящих детей, детей с нарушением интеллекта, детей с туберкулезной интоксикацией? Здесь потеряна группа детей с эмоциональными нарушениями, с речевой патологией, с задержкой психического развития.

Мы сейчас не будем вести дискуссию, насколько справедлив этот термин, но я хочу сказать, что если за задержку психического развития надо платить, а за умственную отсталость не надо, то мы завтра увидим, помяните мои слова, резкий всплеск умственной отсталости у детей дошкольного возраста. И те родители, которые вчера боролись за облегчение диагноза, звучащего как «нижняя граница, верхняя граница, пограничное состояние», сейчас будут просить его вернуть, и мы снова получим искаженную статистику.

Не совсем понятно, что это за группа — «Особый ребенок». С одной стороны, отрадно, что мы сейчас здесь так много говорим про прогрессивные формы интегрированного инклюзивного обучения, но, с другой стороны, есть опасения, что в масштабах нашей огромной Родины некоторые чиновники подчас интеграцию и инклюзию понимают как снижение финансовых нагрузок на бюджет. Специальное образование в 2,5–3 раза дороже общего образования, и, приведя этого ребенка в общую школу, вроде можно решить проблему с финансированием.

Модернизация системы специального образования протекает в весьма специфических условиях. Отсутствует закон о специальном образовании, т.е. образование модернизируется, но пока никто не сказал, что это такое. Как уже сегодня отмечали, в министерстве с 2004 г. упразднена административная структура, которая раньше обеспечивала управление системой специального образования на федеральном уровне. Процесс обучения в специальных школах, в том числе реализующих образование по массовой программе, не обеспечен государственным стандартом специального образования. Несмотря на то что много десятилетий успешно существует система специальных школ, на сегодняшний день не решен вопрос об их обеспечении учебно-методическими комплексами нового поколения.

К счастью, издательство «Просвещение» выступило с замечательной инициативой: создан портал для родителей, где сотрудники института, в частности, отвечают на вопросы родителей. Институту передано право «грифования» учебников, я очень рад за наш институт, но это проблема не одного института, а государственная, и хотелось бы, чтобы эти полномочия были возвращены к такой организации, где были бы представлены все заинтересованные стороны.



Пользуясь случаем, я хочу сказать добрые слова в адрес президента издательства «Просвещение» Александра Михайловича Кондакова за то, что эта работа выполняется.

Что сегодня смущает? Здесь прозвучало несколько разных позиций, я очень благодарен О.Н. Смолину за взвешенную позицию. Но давайте помнить, что мы живем в конкретной стране с конкретной историей, с конкретной ментальностью, с конкретной историей развития экономики, и поэтому прямой перенос любой самой замечательной западной модели едва ли возможен. Я бы с удовольствием перенес модель, например, Дании, где закон о специальном образовании принят в 1817 г. Нас разделяют 200 лет опыта организации такого образования. Поэтому хотелось бы из тех моделей, о которых сегодня говорил Олег Николаевич, избрать ту, при которой сохранялась бы, постепенно, может быть, сходя на нет, система специальных образовательных учреждений. Но оказывать всяческую государственную поддержку только школам интегрированного, инклюзивного образования нельзя. А выбирать, безусловно, должны родители и дети.

Я — сторонник инклюзивного обучения. Но я очень боюсь, что по нашей российской традиции, начав строить замечательный дворец завтрашнего, мы сегодня разрушим до основания все сегодняшние учебные структуры. Пусть замок строится, и когда он будет достроен, мы разом все в него перейдем. Но все-таки хотелось бы, чтобы этот процесс был взвешенным и чтобы чиновничье лукавство о перераспределении финансовых потоков не вуалировалось рассказом о заботе о проблемных детях.

За последние 15 лет накоплен хороший, позитивный опыт интегрированного обучения в разных регионах Российской Федерации. Не только в таких крупных столичных городах, как Москва и Санкт-Петербург, но и в городах меньших и в маленьких поселках. Может быть, мы найдем способ сообща издать сборник такого позитивного опыта, чтобы каждая заинтересованная сторона могла выбирать ту модель, которая наиболее приемлема для этого региона, для этих финансовых возможностей, для родителей.

И последнее — это кадры, которые по-прежнему решают если не все, то многое. Разумеется, молодое учительство, которое сегодня работает в общеобразовательных школах, по-моему, за последние годы вполне готово работать с детьми, о которых мы сегодня ведем речь. Учителя более опытные часто эту проблему встречают в штыки. И это никак не связано с возрастными особенностями, это скорее связано с педагогическим консерватизмом, с определенными установками. Очень важно сегодня менять сознание педагога. И поэтому, в частности, Московский институт открытого образования проводит очень большую работу с педагогами и администрацией этих общеобразовательных учреждений. В Москве ситуация меняется стремительно. Позитивный опыт есть в Санкт-Петербурге, Самаре, Хабаровске, Чувашии. Серьезная переподготовка кадров — один из скрытых резервов, реализовав который, мы действительно обеспечим реальную интеграцию, реальную инклюзию.



Комментарий

Мы не должны никому советовать ни одномоментного перехода к новой системе, ни резкого перенаправления средств от существующей системы в новую. Сейчас интерфейс российского общества, российского образования начал понемногу меняться. Я, как экономист, занимаюсь обоснованием денежных средств, которые предполагается выделить на образование, и я уверен, что на образовании детей с ограниченными возможностями здоровья экономить нельзя. Нам надо интенсивно вкладывать деньги в развитие существующей системы и параллельно с ней строить систему инклюзивного образования. Не должно быть замедления прироста средств, которые получает существующая сейчас система специализированного образования. Надо «гуманизировать» ее, стыковать эти школы с обычными школами. Но необходимо подчеркнуть, что это не маневр ресурсами, а необходимость двойного приращения ресурсов. Потому что база, к сожалению, у нас очень и очень плохая.

Я.И. Кузьминов

О СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОСКВЕ

Из выступления директора Центра образования
«Технологии обучения» Е.И. БУЛИН-СОКОЛОВОЙ

Я хотела бы рассказать об опыте, который упоминал Е.А. Бунимович, — об опыте департамента образования Москвы в направлении помощи той категории детей-инвалидов, которые не могут посещать коррекционные, специальные образовательные учреждения по состоянию здоровья. В Московском регионе около 28 тыс. детей-инвалидов, и из них около 4 тыс. не посещают ни учреждений общего образования, ни специализированных учреждений.

Изучение особенностей их здоровья позволяет сказать, что даже нашу коррекционную сеть сегодня сложно адаптировать к их состоянию здоровья. Дети, которые оказались в этой ситуации, живут в режиме жесткой изоляции. А это недостаток контакта со сверстниками и взрослыми, ограниченный доступ к информационным ресурсам, невозможность общения с природой и культурными ценностями. Все эти дети получают образование на дому, и на сегодняшний день качество этого образования оставляет желать лучшего.

Изучив все эти проблемы, департамент образования три года назад вышел на конкурс, проводимый правительством Москвы за счет грантов фонда по квотированию рабочих мест в Москве. Выиграв этот грант, в течение последних трех лет департамент образования реализует проект создания системы дистанционного образования для детей-инвалидов и детей, не посещающих образовательные учреждения по состоянию здоровья. На сегодняшний день в нашем образовательном учреждении учится более тысячи детей с 1-го по 11-й класс, это дети с совершенно разными проблемами, с разными физическими ограничениями: глухие, слабослышащие дети, дети с проблемами зрения и дети с нарушениями опорно-двигательного



аппарата, с тяжелейшими хроническими заболеваниями. И действительно мы в нашем полном нормативном вакууме создаем с нуля (мы являемся экспериментальной городской площадкой) систему школьного дистанционного образования, что само по себе является достаточно сложной задачей, и при этом еще работаем с категорией детей-инвалидов, каждый из которых нуждается в работе по индивидуальной образовательной программе. И эту программу для каждого из детей мы пытаемся выстраивать с ориентацией на глубокую раннюю профилизацию, учитывая их способности, талант, стремление, интересы и физические ограничения.

Мы предоставляем детям возможность получить общее образование и создаем широкий образовательный социальный коммуникативный контекст. Сегодня информационные технологии позволяют решить часть проблем человека, находящегося в жесткой изоляции. Это и возможность «онлайн-взаимодействия» с другими детьми, сверстниками, с учителями, другими взрослыми. Дети могут вести совместные исследования или заниматься музыкальным или художественным творчеством, участвовать в совместных проектах, выполняя свой участок работы.

За эти годы мы действительно убедились, что информационные технологии могут обеспечить возможность получения ребенком качественного образования, решить проблему коммуникации, открыть доступ к информационным ресурсам, помогают развивать самостоятельную активность и для многих детей могут быть инструментом будущей профессиональной деятельности. У нас есть курсы по разным направлениям, связанным с освоением информационных технологий по веб-дизайну, программированию, работе с другими информационными средствами. Чтобы обеспечить родителям возможность выбора формы обучения, было бы правильно включить в программу индивидуальной реабилитации детей-инвалидов возможность каждому из тех, кто выберет дистанционную форму и школьного, и вузовского образования, получить соответствующее компьютерное оборудование (все наши дети получили это компьютерное оборудование из средств Правительства Москвы) с бесплатным доступом к сети Интернет, что решило бы целый ряд проблем.

Действительно болезненной является тема продолжения образования. У нас больше 200 выпускников, поступивших в высшие учебные заведения, и с каждым из них мы до сих пор продолжаем заниматься, даже с теми, кто ушел из нашей школы 2–3 года назад, потому что дистанционная система высшего образования в стране еще не создана. Поддержать этот вид образования в системе общего образования и в системе профобразования чрезвычайно важно, потому что он обеспечивает доступ к качественному образованию не только для данной категории детей, но и для других детей, живущих в отдаленных регионах, не имеющих возможности получать качественное профильное образование, для одаренных детей и т.д. И в этом смысле решение проблем детей-инвалидов, обеспечение их качественным образованием за счет дистанционных технологий



являются также частью программы создания инклюзивного образования в России. И нам хотелось бы, чтобы именно так этот вопрос ставился и рассматривался.

**О ПРОБЛЕМАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ**
Из выступления директора Центра социологии образования РАО
В.С. СОБКИНА

Как утверждает статистика, детей школьного возраста, нуждающихся в специальном обучении, насчитывается в России 400 тыс. Чтобы лучше представить себе масштабы, то это примерно население областного центра, Томска, например. А если прибавить родителей, учителей, медицинское обслуживание, то это средний субъект Федерации. И удивляет, что в Министерстве образования нет структуры, которая отвечает за жизнедеятельность всех этих людей.

Я удивлен, что исчезла программа «Дети-инвалиды», а с ней и принцип программно-целевого управления, который худо-бедно внедрялся в деятельность управленческих органов образования. Это тоже серьезная ошибка.

Я занимался социологическими исследованиями по проблемам детей-инвалидов. В 1980 г. коррекционных классов не было, в 1986-м появляются единицы, а за 8 лет они стали статистической величиной. В определенном смысле коррекционные классы можно рассматривать как инклюзивную систему не только для детей с очевидной инвалидностью. Мне кажется важным зафиксировать ключевые психолого-педагогические моменты работы с такими детьми. И здесь очень важно вернуться к тому, что в свое время формулировал О.С. Выгодский. В 30-е годы XX в. он говорил, что развитие такого ребенка — это социальная проблема. Поэтому «технократически вправить ребенка в нормальную колею развития» — это особая задача такой педагогики. Что это значит? Не втянуть его туда насильно, но понимать, что это особая траектория и особый культурный тип развития, где система образования направлена на то, чтобы решить эту проблему для человека.

И в этом плане сегодня необходим серьезный разговор о современных психолого-педагогических основаниях этой педагогической системы, поскольку, к сожалению, таких детей становится больше. И последнее. У меня был в Канаде любопытный опыт. Я встретился с людьми, которые в неформальной обстановке решили обсудить, как устроить школы для детей с ограниченными возможностями здоровья. Пространство специальной школы — это особое социокультурное пространство организации взаимодействия детей и взрослых. Дети с ограниченными возможностями здоровья учатся в отдельных школах, но территория у этих школ общая. В этом учебном городке возникает контакт между детьми, социальное взаимодействие: общий театр, общая инфраструктура. Например, у них общая столовая. Такой опыт мне представляется очень важным и актуальным.



**«НЕОБХОДИМЫ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»
Из выступления декана головного учебно-исследовательского
и методического Центра инвалидов по слуху МГТУ им. Баумана
А.Г. СТАНЕВСКОГО**

Все мы знаем, что поступить в высшую школу без системы довузовской подготовки невозможно. Поэтому необходимо возвращение системы подготовительных отделений. Инвалидам и лицам с ограниченными возможностями по состоянию здоровья должны быть предоставлены возможности получения довузовской подготовки.

Мы говорим сегодня об инклюзивном, интегрированном, сегрегированном образовании. В Советском Союзе существовала система, не имеющая аналогов, — качественная система коррекционного образования. И ее осколки сейчас дают следующий результат: выпускники специальных коррекционных образовательных школ учатся в очень сложном Бауманском университете лучше, чем выпускники коррекционных групп, коррекционных классов, индивидуального обучения и т.д., именно потому, что была система. А сейчас этой системы в области инклюзивного или интегрированного образования еще нет, хотя она, наверное, создается. Поэтому те теоретико-методологические работы, которые должны проводиться в этой области, сейчас приобретают чрезвычайно важную роль. Но для этого нужно поставить правильные задачи. Эти исследования должны носить революционный характер, учитывать и социально-экономические, и гуманитарные критерии, а также вопрос качества. Сегодня здесь говорилось о различных аспектах этой проблемы, но никто не произнес слова «качество», а оно является ключевым.

У нас происходит подмена понятий. Мы говорим о коррекционном образовании, дефектологическом, профессиональном. Но это разные вещи, у них разные цели, субъекты и объекты.

Например, в высшем профессиональном образовании не существует статуса инвалида или лица с ограниченными возможностями по состоянию здоровья, его не существует и в Законе о социальной защите. Тем не менее единственно возможным сейчас механизмом для технологического, ресурсного и прочих видов обеспечения образовательного процесса инвалида является индивидуальная программа реабилитации. Но в ВПР этого нет, финансового обеспечения нет, ресурсного — нет, методологического — нет. Надо учитывать, что разрывать эти составляющие невозможно.

Второй разрыв, и очень серьезный, на межрегиональном, региональном, федеральном, муниципальном уровнях. Значит, необходимы системные исследования, которые будут направлены на систематизацию, формализацию и разработку определенных регламентов.

В США, Японии, Австралии, Китае, в других странах создана сеть послешкольного образования инвалидов. В этом году мы подписали меморандум о создании российского отделения этой сети и уже в этом году получим 150 000 долларов на ее развитие. Значит,



есть нормативно-методологические подходы, которые можно использовать.

У нас, к сожалению, не все руководители вузов относятся с должным вниманием к проблеме образования детей-инвалидов, не все приглашенные на парламентские слушания по этому вопросу откликаются. Это означает, что проблеме нужно четко ориентировать на современный менеджмент: потребность, востребованность и понимание проблемы.

Мнения и комментарии

Проблема, о которой мы сегодня говорим, давно требует своего решения. Россия — страна большая, и то, что легко решается в Москве, невозможно решить за Уралом, на Дальнем Востоке, в Читинской области. Там родители не в состоянии решить, где учиться ребенку, потому что ближайшая коррекционная школа за 600—700 км, а в той школе, которая на соседней улице, ребенка не знают, как учить, и не представляют, как вообще с ним можно разговаривать.

Образование таких детей — проблема серьезная, за одно десятилетие она не решится. Такое мероприятие, как сегодня, должно как можно шире освещаться в СМИ, это даст свои положительные результаты.

Кроме того, хотелось бы сказать обо всей системе в целом. Школа, инклюзивное образование в школе — это хорошо. А дошкольное образование? А инклюзия в дошкольных учреждениях? Ведь пока эта тема на стадии разработки, пока еще за рамками изучения ученых и исследователей.

Помимо школы, имеются вузы, но есть еще начальное профессиональное образование и среднее профессиональное образование. Об этом также нельзя забывать.

И, наконец, о кадрах. Нужна профессиональная переподготовка, например, двухгодичная, или получение второго высшего образования — это три года, но в крайнем случае — хотя бы курсы повышения квалификации.

*Из выступления Т.В. Волосовец,
зав. кафедрой специального образования РУДН*

Я — папа ребенка с синдромом Дауна. Ассоциация «Даун синдром» — это организация российских детей-инвалидов. Здесь много говорилось о мировом опыте, но мировой опыт показывает нам, что не было еще примера, когда профессиональное сообщество решило бы проблемы интегрированного образования или образования инвалидов. Это всегда были инициативы снизу, в том числе от родителей.

Интегрированное образование — это то, что нужно моему ребенку. Он учится в интегрированной школе, которая, может, одна из первых получила раннюю помощь по программе «Маленькие ступеньки». Сейчас эта программа одобрена и получила гриф Министерства образования. И наши предложения в значительной степени легли в основу предложений министерства, которые были разработаны,



чтобы образование детей-инвалидов, прежде всего с отклонениями в умственном развитии (а это большая часть инвалидов), стало реальностью.

Мне хотелось бы уйти от нашей спокойной академической беседы. К сожалению, уже нет времени на долгие раскачивания, взвешивания по поводу того, какая система лучше. Надо обратить внимание, что количество детей, нуждающихся в особых образовательных услугах, значительно больше той группы детей, которые признаются инвалидами или с постоянно ограниченными возможностями. По данным ЮНЕСКО, 15—20% детей в период обучения нуждаются в специальной помощи. Иначе они испытывают психологическое насилие, а в условиях российской школы есть серьезные основания предполагать, что отсутствие этого специального образования в общеобразовательной школе, т.е. отсутствие интегрированного подхода, и приводит к тем печальным результатам, когда свыше 10% детей в стране, возможно, не получают образования вообще.

Я призываю вас динамичнее подойти к этой проблеме. Дети не могут ждать. Год тому назад мы с представителями Министерства образования и науки ездили в Великобританию и разговаривали с управленцами, которые начали интегрированное образование 20 лет назад. Они сказали, что у них не было разветвленной системы подготовки специалистов, методик и т.д., но «дети не могли ждать», и они начали создавать для них условия в общей школе. Потому что дети живут сейчас, страдают сейчас. Слишком много боли за стенами нашего уважаемого собрания, и от лица этого самого «низа» призываю вас динамично, активно решать вопросы.

*Из выступления директора ассоциации «Даун синдром»
С.А. Колоскова*

Я директор общеобразовательной школы, в которой 10 классов детей с задержкой психического развития и 10 классов — больных церебральным параличом.

Те документы, которые были при советской власти (я шестнадцатый год работаю в этой школе с такой категорией детей), позволяли нам решать основные вопросы, и мы не потеряли ни одного ребенка. У нас успешно оканчивают среднюю школу дети с задержкой развития и либо продолжают профессиональное образование, либо переходят в общеобразовательные старшие классы. Дети, больные церебральным параличом, успешно поступают в вузы, в государственные университеты — Калининградский университет им. Канта, в Балтийскую государственную академию.

Деятельность нашей школы базировалась на документах, которые имелись у нас, в том числе и финансового характера. С этими детьми должны работать специалисты — высококвалифицированные учителя, логопеды, психологи. У нас создана эта база и есть такие специалисты, но что же происходит сегодня?

Сегодня мы со страхом ждем, что по новому финансированию дети с задержкой развития будут финансироваться на 15% меньше.



Это значит, что надо уволить психологов, логопедов, уволить специалистов. Не будет воспитателей, которые работают с этими детьми. Из своего опыта и моих коллег могу сказать, что дети с задержкой развития преимущественно (на 85%) — это дети из неблагополучных семей. И для того чтобы найти свое место в жизни, им нужна, грубо говоря, «суррогатная мама», воспитатель, который учит их, как нужно жить, как вести себя, как взаимодействовать с окружающими.

С этими детьми должны работать школы. И я, и мои коллеги — сторонники обучения таких детей в общеобразовательной школе, потому что жить им придется тоже среди вполне здоровых граждан. И это позволяет больным детям и здоровым учиться находить общий язык, быть добрыми друг к другу. По-моему, это одно из основных направлений воспитательной работы школы.

*Из выступления директора общеобразовательной школы
к.п.н, заслуженного учителя РФ, директора МОУ Г.С. Тамарского*

Когда в 1997 г. в Российской Федерации появилось наше представительство, у нас насчитывалось 42 млн детей до 18 лет. Сейчас 30 млн. Такая цифра не может не настораживать. По оценкам экспертов, 200 тыс. детей не учатся вообще. И показателен не этот факт сам по себе, а то, что государство даже не организовало подсчета, сколько детей учатся, а сколько нет. Значит, нет социального заказа на такую цифру, потому что это стоит денег. Так продолжаться не может.

С этого года наша организация реализует новый программный цикл. Впервые выделена отдельная программа по сотрудничеству с Российской Федерацией в развитии направлений, связанных с интересами детей. Одно из направлений, в котором мы готовы сотрудничать со всеми заинтересованными сторонами, — это содействие развитию образования для всех — инклюзивного образования. Мы готовы встретиться со всеми заинтересованными лицами. Интерес к этому проекту большой, и, надеемся, он будет успешным.

*Из выступления представителя детского фонда ООН ЮНИСЕФ
О. Ременец*

На протяжении работы в Государственной Думе мы много раз делали запрос в адрес Министерства образования и науки и других органов по поводу количества детей, которые оказались вне учебных заведений. В конце 1990-х годов Министерство образования и науки привело цифру в 200 тыс. человек. Но если говорить обо всех детях, а не только с ограниченными возможностями здоровья, то она дойдет до 3,5 млн человек. Поэтому абсолютно правильное предложение: нам нужны достаточно точные данные о количестве детей, которые оказались у нас в этой системе образования.

И еще два коротких предложения в проект рекомендаций.

Первое: обязательно констатировать межведомственный характер проблемы. Второе: рекомендовать вывести эту проблему на межведомственную комиссию Правительства Российской Федерации, поскольку в наиболее тяжелом положении находятся 29 тыс. детей



в интернатах Минсоцразвития, большинство из которых не обучается, — никак не могут выяснить между собой отношения Министерства образования и науки и Минсоцразвития.

Из выступления депутата ГД О.Н. Смолина

Я выступаю как представитель коалиции 9 неправительственных организаций, которые представили в Комитет по правам ребенка в 2005 г. альтернативный доклад. В августе 2005 г. Правительство России представило в Комитет ООН добавочные статистические данные последних лет. Мы проанализировали их: 200 тыс. детей-инвалидов не учатся, а из этих 200 тыс. 30 тыс. находятся в психоневрологических интернатах.

На слушаниях в Государственной Думе в декабре 2004 г. эксперты высокого класса оценивали, что у нас детей с ограниченными возможностями здоровья примерно полтора миллиона. Это статистика. Но этот вопрос выходит за рамки системы образования. В советское время у учителя была внеклассная обязанность выявлять, кто и почему не ходит в школу. Были списки всех детей, живущих на данной территории. Сегодня школа этим не занимается. Значит, этим должны заниматься муниципальные и региональные структуры. Они должны выявлять каждого ребенка, живущего на этой территории, который не учится, и восстанавливать его право на образование. Это возможно, но для этого нужно принять наконец ту концепцию работы органов местного самоуправления, которую разработали эксперты Министерства образования и науки. Сейчас мы от Общественной палаты делегированы работать с этим в Государственной Думе.

Но, кроме того, важно не только выявление таких детей. Пока еще не работает система наказания за то, что ребенок не обеспечен правом на образование. Недавно у нас был очень важный разговор в НИИ Генпрокуратуры на эту тему. Мы пришли к выводу, что прокурор должен иметь возможность и представление написать, и в суд подать, если, например, ребенок, живущий в семье или в интернате, не учится или если в школе нет пандуса, на котором ребенок может въехать в школу. Это то, что требует судебного вмешательства.

Из выступления руководителя неправительственной организации по правам ребенка Б.Л. Альтшулера

У нас в резолюции не отмечено, что проблема образования имеет характер межведомственный. Я прошу внести это в резолюцию, потому что, говоря о проблемах доступности образования для детей-инвалидов, мы забываем, что все дети-инвалиды в силу нашей административной реформы почти полностью отданы «на откуп» Министерству здравоохранения, труда и социальной защиты — тому министерству, для которого образование не было и не может быть основной сферой деятельности.

У нас есть программа социальной поддержки инвалидов на несколько лет, на эту программу выделяются огромные деньги, но Министерство образования не является соисполнителем по этой



федеральной программе. Это касается не только школьного, но и профессионального образования детей-инвалидов.

И еще одно. Проблема образования детей-инвалидов может рассматриваться только в одном пакете с трудовым законодательством, которое затрагивает все вопросы, касающиеся защиты трудовых прав специалистов, которые работают с инвалидами вообще и с детьми с ограниченными возможностями в частности. Почему вообще в образовании у нас выделяются проблемы инвалидов? Это действительно дети с ограниченными возможностями здоровья, и говорить только об инвалидах тут неправомерно.

*Из выступления представителя общественного движения
«Образование для всех» С.Ф. Суворовой*

Заключительное слово Я.И. Кузьминова

На заседании РОСПРО никогда не было такого количества выступающих по одному вопросу, и это показывает, что ситуация требует немедленного и очень резкого вмешательства.

Я очень рад услышать, что в Госдуме и Совете Федерации, в Баманском университете скоро пройдут слушания на эту тему. Но нам имеет смысл ставить этот вопрос в качестве одного из основных в повестку дня работы тех органов, которые отвечают за развитие гражданского общества, за права человека в России — в Общественной палате РФ, в Совете по гражданскому обществу и правам человека. Поскольку я представляю руководство Общественной палаты и вхожу в Совет по правам человека Э.А. Памфиловой, думаю, что по крайней мере два этих органа обязательно рассмотрят проблему.

Мне кажется, мы трагически отстаем в решении этого вопроса и находимся фактически на уровне страны «третьего мира» по нашему отношению к детям, к воспитанию, образованию детей, которые имеют меньшие возможности, чем другие. А между тем это не тот вопрос, который общество не может решить, а экономика не может вынести. Мы можем решить эту проблему, важно актуализировать ее до такой степени, чтобы те, кто принимает решения в стране, рассматривали ее как очевидную и приоритетную. Отношение общества к детям-инвалидам, к своим членам с ограниченными возможностями — ключевой показатель цивилизованности общества, и нам надо об этом задуматься.

Остановлюсь на нескольких предложениях, которые привлекли мое внимание дополнительно к тому, что я говорил.

Первое — статус инвалида и система общественного признания человека инвалидом, нуждающимся в помощи, статус человека, который требует такого рода помощи. На сегодняшний день нормативная система не работает. Надо в первую очередь задействовать законодательно, рассмотреть этот вопрос в Государственной Думе. Мы готовы участвовать в качестве экспертов.

Второе — проблема финансирования. Необходимо поднимать финансирование двумя потоками: поддерживать существующую систему и создавать новую. Нам нужно восстановить финансирование



бесплатных подготовительных отделений вузов, в том числе с отдельным нормативом финансирования для инвалидов. Нам нужно создать адекватную систему нормативно-подушевого финансирования учащихся с ограниченными возможностями здоровья для инклюзивного образования. Эта проблема нуждается в точном подсчете, в соответствующем анализе. Мы попросим коллективы Финансовой академии, Высшей школы экономики, руководство которых входит в РОСРО, заняться этим, обнародовать эти расчеты, направить их А.А. Фурсенко.

Здесь говорили о том, что не работает система негативных стимулов: нет наказаний родителей, должностных лиц за то, что дети не получают образование. Система наказаний у нас в стране имеет большую историю, и, наверное, действие в этом плане полезное. Давайте попробуем и по этому пути пойти. Но, честно говоря, это путь явно не первый и не главный.

И, конечно, в поле зрения Уполномоченного по правам человека в России В.П. Лукина должна войти проблема психологического насилия в школе. Необходима система адекватной защиты.